

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Выпуск I

Историко-
археологическое
изучение
Древней Руси
итоги и основные проблемы

Под редакцией проф. *И. В. Дубова*



ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1988

ЯРОСЛАВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В IX—XIII вв. (ведущие исследователи и основные проблемы)

Богата, многообразна и сложна для реконструкции истории Ярославского Поволжья эпохи раннего средневековья. Уже не одно поколение историков и археологов углубленно занимается изучением древностей этого района. Исследовано много разнообразных источников, начиная с письменных. Каждый полевой сезон приносит новые открытия, в том числе и неожиданные, позволяющие не только уточнять, но иногда и менять наши представления о жизни и культуре населения, важнейших исторических процессах, протекавших здесь в домонгольское время.

Почти полтора столетия продолжается активное археологическое изучение Ярославщины. С этим научным поиском связаны имена многих известных исследователей как дореволюционного периода, так и советского.

И первыми среди них следует назвать таких видных русских ученых, как председатель Московского археологического общества А. С. Уваров и профессор Московского университета П. С. Савельев. В середине прошлого столетия они организовали грандиозные раскопки Владимирских курганов, включая, в частности, погребальные памятники по берегам озера Плещеево (Клещино) близ предполагавшегося места, где находился древнерусский летописный город Клещин. П. С. Савельев провел раскопки в том же районе в поисках этого города на так называемой Александровой горе, или Ярилиной плещи, на городище у села Городище, а также крайне интересные архитектурно-археологические исследования в самом городе Переславле-Залесском вокруг Спасо-Преображенского собора.¹

Итогом широких полевых работ в Суздальской земле под руководством А. С. Уварова стала его фундаментальная монография, в которой были суммированы и проанализированы впервые полученные археологические данные и на их базе реконструирована история Суздальского ополья, включавшего частично Ярославское Поволжье периода раннего средневековья.²

Работы А. С. Уварова ввели в научный оборот, как равноправные с письменными, источники археологические. Исследователем была поставлена проблема мерянских древностей и вклада местных финно-угорских племен в новый формирующийся древнерусский этнос и, соответственно, его духовную и

¹ Савельев П. С. Отчеты о раскопках // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 8. 1853 г. Д. 2—4; Извлечение из Всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855. С. 29—46.

² Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. Т. I. М., 1869; Т. II. М., 1871.

материальную культуру. Автор предложил свое понимание этого круга сложнейших исторических вопросов.

Большой вклад в археологическое изучение Северо-Восточной Руси внес известный русский археолог Василий Алексеевич Городцов, который проводил значительные раскопки в Ярославской губернии. Под его руководством исследовались курганы Тимеревского и Михайловского могильников.³

На рубеж XIX—XX ст. приходится пик в научной деятельности одного из ведущих русских археологов — Александра Андреевича Спицына. Спецификой его исследовательского поиска было то, что он почти не проводил сам раскопок, а обрабатывал, обобщал и публиковал материалы других ученых. Особый интерес представляет его работа «Владимирские курганы», где он изложил свою концепцию и свое понимание истории Северо-Восточной Руси, во многом отличное от взглядов А. С. Уварова.⁴ Этот труд стал новым этапом в изучении древностей Залесской земли.

Неоценима роль в археологическом исследовании Ярославского края местного краеведа, историка, археолога, реставратора, общественного деятеля Иллариона Александровича Тихомирова. Всю археологическую деятельность И. А. Тихомирова можно расчленить на три составные неразрывные части — во-первых, это собственно раскопки, во-вторых, публикации и анализ материалов с выходом на широкие исторические обобщения и, в-третьих, участие как археолога в работе различных общественных организаций и в первую очередь Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Им проведены обширные раскопки Михайловского, Тимеревского могильников, более поздних некрополей у Грехова ручья близ Углича, Евчаковского неподалеку от Тутаева.⁵ В 1900 г. И. А. Тихомировым была создана первая археологическая карта Ярославской губернии, сохранившаяся в оригинале вплоть до настоящего времени.⁶

³ Городцов В. А. 1) Раскопки у с. Михайловского // Северный край, 1903, 22 мая, № 132; 2) Археологическая экскурсия воспитанников Ярославского кадетского корпуса // ИАК. Вып. 6. СПб., 1903. С. 85—87.

⁴ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84—172.

⁵ Тихомиров И. А. 1) Отчеты о раскопках Михайловских курганов // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 52. 1897 г.; Д. 187. 1898 г.; 2) Отчет о раскопках Михайловских курганов в 1897 и 1898 гг. // ГИМ, архив. Ф. 99. Ед. хр. 42; 3) Отчет о раскопках в Ярославской губ. и под с. Михайловское // Извлечение из Ярославских губернских ведомостей. Ярославль, 1898; 4) Отчет о раскопках курганных кладбищ под деревней Большое Тимерево в Гончарово 1900 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 82. 1900 г.; 5) Дневник раскопок, произведенных в Угличском уезде на Греховом ручье // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 82. 1900 г.; 6) Евчаковский курганный кладбище: Отчет о раскопках 1929 года // Архив ЛОИА АН СССР. 1929 г. Ф. 1. Д. 223.

⁶ Карта хранится в научной библиотеке Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника.

Свои исследования погребальных древностей Ярославской губернии И. А. Тихомиров суммировал в двух обширных докладах на историко-археологических съездах, которые были опубликованы в их трудах в виде статей.⁷

Таким образом, в трудах дореволюционных археологов был опубликован обширный археологический материал, изложены точки зрения о месте, роли и значении Залесской земли в истории Древней Руси. Были сформированы основные концепции, касающиеся проблем славянского заселения, формирования древнерусской народности, вклада в эти процессы местного финно-угорского мерянского населения.

В советское время эти исследования достигли наибольшего размаха и продолжают поныне.

В 20-х годах раскопки на Сарском городище производит Дмитрий Николаевич Эдинг. Итогом этих работ стала его монография, опубликованная в 1928 г.⁸ Критика, неоднократно высказывавшаяся в адрес Д. Н. Эдинга и его методики раскопок и интерпретации материалов, может быть и справедлива.⁹ Однако до сих пор так и нет сводной монографии по такому ключевому памятнику, как Сарское городище, хотя многие исследователи пользовались и пользуются его материалами.

В 30-е и последующие годы широко развернулась на Верхней Волге археологическая деятельность члена-корреспондента АН СССР ведущего советского археолога Петра Николаевича Третьякова, который возглавил работу Волгоостроечной экспедиции.¹⁰ Среди памятников разных времен, ею исследованных, следует остановиться на объектах, относящихся к средневековью. Но кроме этого, были изучены непосредственно предшествующие поселения средневековым многочисленными городища раннего железного века — дьяковской эпохи.

Особой заслугой П. Н. Третьякова явился первый подлинно научный историко-археологический анализ материалов упомянутого выше Сарского городища.¹¹

В последующих исследованиях этого автора им была сформулирована общая концепция истории Верхнего Поволжья эпохи раннего средневековья. Она касалась абсолютно всех вопросов и проблем, связанных с данной территорией и ее разви-

тием в рассматриваемое время.¹² Большинство выдвинутых или развитых им положений актуальны и сейчас, несмотря на появление многих новых материалов. Невзирая на спорность или недоказанность ряда его выводов, можно с уверенностью говорить о том, что П. Н. Третьяков является одним из создателей современной концепции истории Залесской земли в IX—XIII ст.

Значительный интерес вызывают и полевые работы, проведенные ленинградским археологом Ядвигой Вацлавовной Станкевич на хорошо известном Михайловском могильнике.¹³ Это были самые большие по объему раскопки со времени начала научного изучения могильника. Я. В. Станкевич впервые достаточно четко и аргументированно, хотя и не без ошибок, сумела определить хронологию, социальную и этническую принадлежность погребенных. На основе этих заключений она сумела выйти на широкие исторические обобщения, касающиеся всего Верхнего Поволжья в целом.

Перед самой войной были проведены первые широкие исследования городов Ярославщины. Их осуществил Николай Николаевич Воронин. Они стали логическим продолжением небольших работ П. С. Савельева в Переславле-Залесском и И. А. Тихомирова в Угличе, П. Н. Третьякова и М. К. Каргера в Ярославле. О работах П. С. Савельева говорилось выше. Результаты исследований П. Н. Третьякова и М. К. Каргера опубликованы.¹⁴ Особо следует остановиться на раскопках И. А. Тихомирова в 1900 г. в Угличе, которые длительное время были практически единственными в этом древнем городе Ярославщины. К сожалению, эти раскопки мало что дали для реконструкции ранней истории города и носили главным образом архитектурно-археологический характер. Были исследованы фундаменты и остатки стен дворцового комплекса XV в. — первоначального княжеского дворца и древнего Спасо-Преображенского собора.¹⁵

Однако все эти работы не шли ни в какое сравнение с исследованиями Н. Н. Воронина, проведенными им в Ярославле и Переславле-Залесском.¹⁶ Практически впервые достойным нау-

¹² Третьяков П. Н. 1) Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939; 2) Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; 3) У истоков древнерусской народности // МИА. № 179. Л., 1970.

¹³ Станкевич Я. В. 1) Ярославская экспедиция // КСИИМК. Вып. I. М.; Л., 1939. С. 16; 2) Раскопки Михайловского могильника // Там же. Вып. II. М.; Л., 1939. С. 28—29; 3) К вопросу об этническом составе Ярославского Поволжья в IX—X ст. // МИА. № 6. М.; Л., 1941. С. 56—58.

¹⁴ Коллекция находок из раскопок П. Н. Третьякова и М. К. Каргера хранится в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника и частично выставлена в экспозиции музея истории города Ярославля.

¹⁵ Тихомиров И. А. Раскопки в Угличском кремле // Труды Тверской губернской ученой архивной комиссии. Тверь, 1904. С. 1—24.

¹⁶ Воронин Н. Н. 1) Раскопки в Ярославле // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Г. 1. МИА. № 11. М.; Л., 1949. С. 177—192; 2) Раскопки в Переяславле-Залесском // Там же. С. 193—202.

⁷ Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. I // Труды II областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903. С. 87—248; Ч. II // Труды III областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 1—98.

⁸ Эдинг Д. Н. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928.

⁹ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. № 5. М.; Л., 1941. С. 91.

¹⁰ Третьяков П. Н. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции: Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. // ИГАИМК. Вып. 109. 1935. С. 104—120.

¹¹ Третьяков П. Н. К истории племен... С. 90—97.

ки стали материалы из этих интереснейших древнерусских городов, о начальной истории которых ранее мы могли судить лишь по писменным источникам да различным легендам и преданиям. Свои раскопки в городах Ярославского края Н. Н. Воронин продолжил работами в Ростове Ярославском.¹⁷

В послевоенный период вновь широко развернулись исследования сельских поселений и могильников края. Параллельно работают несколько крупных коллективов ученых. Это прежде всего экспедиция Государственного исторического музея, возглавляемая Майей Васильевной Фехнер. Хорошо известны ее исследования памятников в Угличском микрорайоне.¹⁸ Вообще группой археологов ГИМа подготовлена целая серия работ по различным аспектам истории и археологии русского средневековья, где древности Северо-Востока занимают значительное место. Ими созданы, в частности, первый достаточно полный каталог средневековых русских памятников и карта их расположения, проведена большая работа по типологии и хронологии отдельных категорий древностей и многое другое.¹⁹

Особо следует указать на широкомасштабность раскопок этой экспедиции Ярославских могильников — Михайловского, Тимеревского, Петровского, проведенных в 1959—1962 гг. и вновь Тимеревского в 1974—1978 гг. после того, как стало известно, что этот некрополь, вопреки их утверждениям, исследован неполностью.

В результате названных двух раскопочных кампаний получены важнейшие данные по истории и археологии Ярославского Поволжья IX—XI вв. и в научный оборот введено большое количество качественно новых и полноценных археологических комплексов и данных.²⁰

Важнейшим этапом в изучении древностей Залесья стали широкомасштабные работы Екатерины Ивановны Горюновой и возглавляемой ею экспедиции Института археологии АН СССР.

¹⁷ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // *Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области*. Вып. 1. Древний Ростов. Ярославль, 1958. С. 4—25.

¹⁸ Фехнер М. В. 1) Селища Ярославского Поволжья XI—XIII вв. // *Краеведческие записки*. Вып. второй. Ярославль, 1957. С. 183—195; 2) Раскопки селища близ Грехова ручья. Археологический сборник // *Труды ГИМ*. Вып. 37. М., 1960. С. 156—166; Мальм В. А. Курганный могильник близ Грехова ручья // *Там же*. С. 167—174.

¹⁹ Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // *Труды ГИМ*. Вып. 32. М., 1956; Вып. 33. М., 1959; Вып. 43. М., 1967; Археологический сборник // *Труды ГИМ*. Вып. 40. М., 1966; История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971; История и культура Евразии по археологическим данным // *Труды ГИМ*. Вып. 51. М., 1980.

²⁰ Ярославское Поволжье X—XI вв. / Под ред. А. П. Смирнова. М., 1963; Недошвина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // *СА*. 1985. 2. С. 101—115.

Среди средневековых объектов, раскопанных этой исследовательницей, следует прежде всего назвать Зубаревский могильник на Рыбинском море — редкий образец «чистого» финно-угорского мерянского некрополя древнерусского времени.²¹ Известны также ее раскопки ряда средневековых некрополей на правом берегу Волги, выше города Ярославля.²² Е. И. Горюнова в свое время обобщила результаты исследований городов Залесской земли и опубликовала на эту тему очень интересную и содержательную работу.²³

Однако главным исследованием Е. И. Горюновой по истории рассматриваемого нами района является ее фундаментальная монография, в которой она рассмотрела многочисленные проблемы исторического развития Волго-Окского междуречья, начиная с эпохи камня и кончая средневековьем.²⁴ И по сей день, по прошествии четверти века, этот труд является одним из основных по истории Залесья и не утратил своей актуальности. Можно с уверенностью сказать, что с именем Е. И. Горюновой связан важнейший этап в изучении Северо-Восточной Руси.

В экспедициях М. В. Фехнер и Е. И. Горюновой активное участие принимал неутомимый ярославский краевед, сотрудник местного музея Алексей Степанович Смирнов, проводивший и самостоятельные раскопки ряда курганных могильников в Ярославской области в 60-х годах.²⁵ Следует особо отметить, что именно этому человеку принадлежит честь подлинного открытия сейчас уже хорошо известного в науке Тимеревского поселения.

В 70-х годах в Ярославской области параллельно работали несколько экспедиций, занимавшихся исследованиями средневековых древностей. Это, прежде всего, Славянский отряд Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР, возглавляемый Константином Ивановичем Комаровым. Из его работ необходимо указать на исследования памятников по берегам реки Сити, в том числе и в связи с поисками места битвы с татаро-монгольскими завоевателями в 1238 г.²⁶

²¹ Горюнова Е. И. Мерянский могильник на Рыбинском море // *КСИИМК*. Вып. 54. М.; Л., 1954. С. 153—163.

²² Горюнова Е. И. Второй Харитоновский могильник // *КСИА*. 1962. Вып. 87. С. 78—82.

²³ Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси // *КСИИМК*. Вып. 59. М., 1955. С. 11—18.

²⁴ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // *МИА*. № 94. М., 1961.

²⁵ Смирнов А. С. 1) Отчет о раскопках 1 Пекшинского могильника Некрасовского сельсовета Ярославского района и области // *ЯРМЗ* № 28585; 2) Раскопки в Тутаевском районе в 1962—1963 гг. // *Архив ИА АН СССР*. Р—1. Д. № 2802; 3) Разведки в Борисоглебском и Некоузском районах в 1966 году // *Архив ИА АН СССР*. Р—1. Д. № 3415.

²⁶ Комаров К. И. 1) О работах Верхневолжской экспедиции на Сити // *КСИА*. 1977. Вып. 148. С. 82—84; 2) К вопросу о месте битвы 1238 года на Сити // *Проблемы советской археологии*. М., 1978. С. 209—218.

Вторая экспедиция возглавляется и поныне сотрудниками того же института Андреем Евгеньевичем Леонтьевым. Он сосредоточил свои работы близ Ростова Ярославского, в самом городе и, главным образом, на Сарском городище.²⁷ Им впервые были подведены итоги многолетнего изучения этого ключевого памятника, а также рассмотрен ряд общих вопросов формирования древнерусской народности и включения в ее состав местного мерянского массива.²⁸

В начале 70-х годов к работам в Ярославской области приступила экспедиция Ленинградского университета, руководимая автором данной статьи. За период ее работы были проведены многочисленные разведки — по реке Которосли, по берегам озера Плещеево, по реке Сити и в других районах. Проведены раскопки и обследования Пекшинских могильников и поселения Заморинского могильника, Клещинского комплекса памятников курганных групп в Тутаевском районе по левому берегу Волги. Главным объектом Ярославской экспедиции был и остается Тимеревский археологический комплекс. Результатом наших работ стало, во-первых, доказательство того, что могильник полностью не исследован и раскопки его можно и нужно продолжать. В итоге, во-первых, экспедицией Государственного исторического музея было вскрыто около ста курганов, давших новый интересный материал. Во-вторых, были открыты два поселения у деревень Малое и Большое Тимерево и начато их исследование. В-третьих, был найден самый крупный клад восточных монет на территории Древней Руси, зарытый в землю в последней трети IX в. — около 3000 экземпляров. Среди монет есть редкие и даже уникальные. Особое значение имеет обнаружение на ряде монет Тимеревского клада граффити, в том числе рунических.

Ярославская экспедиция провела и небольшие по объемам раскопки в древнейшей части Ярославля, где были найдены остатки первоначального (XI в.) укрепления — вала с деревянными конструкциями.

Историографическое наследие, обширные материалы, накопленные более чем за столетие археологических раскопок на территории Ярославщины, новейшие данные, полученные, в том числе, и в результате работ экспедиции Ленинградского университета, легли в основу многочисленных статей и трех монографических исследований.²⁹

²⁷ Леонтьев А. Е. 1) «Город Александра Поповича» в окрестностях Ростова Великого // Вестн. Моск. ун-та. 1974. № 3. С. 85—96; 2) О времени возникновения Сарского городища // Там же. № 5. С. 68—74; 3) Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.): Автореф. канд. дис. М., 1975.

²⁸ Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери: Постановка вопроса // СА. 1980. 2. С. 67—79.

²⁹ Дубов И. В. 1) Северо-Восток // Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978.

Ярославская экспедиция и сейчас продолжает изучение Тимеревского комплекса — идут раскопки поселения, найдены новые участки культурного слоя, раскопан интереснейший погребальный комплекс.

Непосредственно в поле работами руководил ассистент кафедры археологии Ленинградского университета В. Н. Седых.³⁰ Ясно, что возможности для исследований данного комплекса памятников и неисчерпаемы, и результаты их имеют первостепенное значение.

В самом городе Ярославле Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря (XIII в.) исследуется отрядом под руководством научного сотрудника Государственного Эрмитажа О. М. Иоаннисяна, «отпочковавшимся» от Ярославской экспедиции. Эти раскопки уже дали интереснейшие результаты.³¹

О. М. Иоаннисян провел также раскопки в Угличе, его работы продолжили В. А. Булкин и С. В. Томсинский.

В последние годы раскопки средневекового селища Введенского начала экспедиция Ярославского университета под руководством И. Л. Станкевич.³²

За эти годы достигнуто многое — накоплен обширный материал, созданы цельные концепции исторического развития Северо-Восточной Руси, исследования стали носить комплексный характер с использованием самых разных категорий источников — письменных, археологических, лингвистических, фольклорных, этнографических, картографических и других.

Однако далеко не по всем проблемам есть ясность или единодушие у исследователей. На этих основных проблемах и необходимо остановиться.

Первым коренным вопросом является хронология древностей. В дославянское время территория Ярославского Поволжья была заселена финно-уграми — племенным союзом, известным в русских летописях под названием «меря». Ему соответствует археологическая дьяковская культура. Вплоть до настоящего времени идет непрекращающаяся дискуссия о ее хронологии, то затухающая, то вновь возобновляющаяся. Для нас имеет наибольшее значение определение верхней даты дьяковских древностей, ибо от этого зависят многие наши представления о пе-

С. 101—136; 2) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л., 1982; 3) Города, величием сияющие. Л., 1985.

³⁰ Седых В. Н. Работы Ярославского отряда // АО 1983 года. М., 1985. С. 82.

³¹ Иоаннисян О. М. 1) Исследования Спасского собора в Ярославле // АО 1982 года. М., 1983. С. 56—57; 2) Раскопки в Ярославле и Угличе // АО 1983 года. М., 1984. С. 57—58.

³² Станкевич И. Л. 1) Работы в Ярославской области // АО 1981 года. М., 1982. С. 92; 2) Экспедиция Ярославского университета // АО 1982 года. М., 1983. С. 88; 3) Исследования Ярославской экспедиции // АО 1983 года. М., 1984. С. 85—86.

реходе в данном регионе от железного века к раннему средневековью.

Один из первых исследователей этой культуры А. А. Спицын относил время расцвета дьяковских городищ к VI—VIII вв. н. э.³³ А если учесть тот факт, что он же с IX в. связывал освоение славянами Залесского края,³⁴ то можно говорить о прямой преемственности между этими двумя эпохами.

В современной литературе в основном господствует позиция, согласно которой эта конечная дата определяется V—VI вв. н. э.³⁵

В последнее время появилась точка зрения, что жизнь на дьяковских поселениях продолжалась вплоть до конца I тыс. н. э.,³⁶ а точнее до X в.³⁷

Пока трудно сказать, кто из исследователей ближе к истине, данная проблема требует дальнейшей углубленной разработки. Если принять точку зрения первых (VI в.), то необъяснима хронологическая лакуна, по крайней мере, в два столетия (VII—VIII вв.). Видимо, все-таки правы вторые (IX—X вв.), когда считают, что дьяковские финно-угорские элементы постепенно угасают и входят составной частью в древнерусскую культуру.

С этим вопросом связана и проблема вклада мери в процесс формирования древнерусской культуры и народности. На этот счет также существовали разные, полярные точки зрения. Ранее полагали, что меря была молниеносно ассимилирована и частично оттеснена славянами, а посему никаких ее следов в древнерусской культуре искать не приходится — их просто нет.³⁸ Затем в науке сформировалась концепция активного участия мери в многообразном историческом развитии Северо-Востока в период раннего средневековья.³⁹ Более того, явно, что роль этого этноса даже преувеличивалась.⁴⁰ И наиболее взвешенная, реалистическая модель предложена в работах П. Н. Третьякова, суть которых сводится к признанию определенного мерянского вклада

³³ Спицын А. А. Городища Дьякова типа // ЗОРСА. 1903. Т. 5. Вып. 1. С. 111—113.

³⁴ Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 167.

³⁵ Смирнов К. А. Дьяковская культура: Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги // Дьяковская культура. М., 1974. С. 76—77; Краснов Ю. А. О дате Березняковского городища // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 65.

³⁶ Горюнова Е. И. Этническая история... С. 47.

³⁷ Розенфельдт И. Г. Еще раз о Березняковском городище // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 58—59.

³⁸ Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 166; Зеленин Д. К. Принимали финны участие в образовании великорусской народности? // Труды Ленингр. об-ва исследователей культур финно-угорских народностей. 1929. Вып. 1.

³⁹ Горюнова Е. И. Этническая история... С. 38—152.

⁴⁰ Третьяков П. Н. [Рецензия] // СА. 1962. 4. С. 267—268. Рец. на кн.: Е. И. Горюновой. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961.

в древнерусскую культуру и народность, но главную роль все-таки играло пришлое славянское население.⁴¹

Сейчас такая позиция разделяется полностью.⁴² Дискуссии идут лишь о формах, этапах, хронологии, конкретных проявлениях, выявлении подлинных этнических индикаторов.⁴³ Дальнейшее накопление материала и его тщательная проработка помогут нам приблизиться к успешному решению этой проблемы.

Одной из важнейших проблем, которая серьезно интересовала еще дореволюционных исследователей, является вопрос о славянском заселении Северо-Востока и формировании здесь древнерусской, а затем великорусской народности. На эту тему существует обширнейшая историография. В настоящее время дискутируются и окончательно не разрешены два основных вопроса — когда и откуда. Первый — вопрос хронологии. Об этом выше мы уже частично говорили, но следует рассмотреть вопрос подробнее. Если отбросить не имеющие никаких оснований такие даты заселения славянами Северо-Востока, как VI, VII или VIII вв., то рассматривать можно лишь два столетия — IX и X. Вокруг них, собственно, и идет спор. О том, что славяне уже в IX в. расселяются в Залесской земле, говорил еще А. А. Спицын, опираясь на предшествующую традицию, письменные и археологические источники.⁴⁴ Эта точка зрения получила детальное обоснование и разработку и в дальнейшем.⁴⁵

Сторонниками иного взгляда являются Е. И. Горюнова и М. В. Фехнер. Они относят начало массового заселения славянами Северо-Востока лишь к X в., а точнее, к его второй половине или даже концу этого столетия.⁴⁶

Новейшие открытия, и прежде всего Тимеревского поселения и двух кладов куфических монет IX в., а также передатировка ряда погребальных комплексов и отдельных типов вещей показывают правоту точки зрения А. А. Спицына — П. Н. Третьякова. Полагаем, что славянское заселение Залесья началось в IX в. и к концу его достигло уже массовых масштабов. X век — это второй этап широкого освоения славянами уже не только Ярославского Поволжья, но и других близлежащих территорий, а именно Суздальского ополья, Белозерья и других.

Не менее важен, сложен и дискуссионен вопрос об основной

⁴¹ Третьяков П. Н. 1) Финно-угры, балты и славяне... С. 285—298; 2) У истоков древнерусской народности... С. 111—141.

⁴² Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси: Автореф. канд. дис. Л., 1974. С. 1—17.

⁴³ Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы... С. 67—79.

⁴⁴ Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 167.

⁴⁵ Третьяков П. Н. 1) Древнейшее прошлое... С. 51; 2) Археологические памятники древнерусских племен // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 85. Вып. 13. С. 272, 276, 282; 3) К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. // СА. 1957. 2. С. 64—68.

⁴⁶ Горюнова Е. И. Этническая история... С. 36—37; Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 15.

территории, откуда шло первоначальное славянское заселение рассматриваемой области. Здесь также существует две основные точки зрения. Традиционной позицией историков является такая, согласно которой славяне двигались в Волго-Окское междуречье с Северо-Запада из Новгородских земель. Ее подробно обосновал в своих работах И. А. Тихомиров уже с использованием археологических данных.⁴⁷

Вторая точка зрения была проработана А. А. Спицыным, который изучал и публиковал материалы Смоленских и Владимирских курганов. Он полагал, что основным очагом славянского заселения Северо-Востока было Верхнее Поднепровье — земли смоленских кривичей.⁴⁸

Были и другие — компромиссные точки зрения.⁴⁹

В свете современных данных можно констатировать, что на раннем этапе — в IX в. волна заселения шла с Северо-Запада, в состав которой входили словене ильменские, балты, северо-западные финно-угры, скандинавы. А вот позднее — в X—XI ст. в этот процесс включились и смоленские кривичи.

Эта концепция, безусловно, требует дальнейшей проработки, но на сегодняшний день она соответствует имеющимся данным.

В течение длительного времени из всех рассматриваемых проблем наибольший накал в дискуссиях вызывал так называемый «варяжский вопрос». Сейчас эта проблема получила свое полное разрешение в целом, в том числе, для Северо-Востока. Никто не может отрицать наличие скандинавских древностей IX—XI вв. в этом районе, вопрос только в их правильной научной, взвешенной трактовке. При этом необходимо строго соблюдать хронологический принцип и рассматривать скандинавские материалы в комплексе с окружающими их славянскими, финно-угорскими и прочими древностями.

На раннем этапе, в IX в. уроженцы скандинавского Севера принимают участие в славянском освоении финно-угорского Северо-Востока. Незначительные группы скандинавов, сохранившие некоторые свои этнические особенности — в пользу этого говорит устойчивый погребальный обряд, в составе потока славян проникают на Волгу.

В X ст. здесь широко разворачивается процесс формирования древнерусской народности, в котором основную роль играет славянский компонент, быстро ассимилирующий как местное

⁴⁷ Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии // Труды IV Областного историко-археологического съезда. Кострома, 1914. С. 25.

⁴⁸ Спицын А. А. 1) Владимирские курганы... С. 167; 2) К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды II Областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1906. С. 1—7.

⁴⁹ Овсянников Н. Н. О колонизации в Суздальском крае с точки зрения археологии // Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 2—9.

финно-угорское мерянское население, так и пришлое, в частности, скандинавов. Однако в это время увеличивается количество вещей северного происхождения. Последнее обстоятельство связано с усилением роли Волжского пути в это время как трансевропейской торговой артерии. Варяжские этнографические традиции к моменту становления раннефеодальной государственной структуры на Верхней Волге уже исчерпали себя, и выходцы с севера растворились среди словен и финно-угров. Небольшое количество скандинавов, попавших в Северо-Восточную Русь в IX — начале X в., не представляло собой какой-то отдельной социально или этнически независимой группы. В конце X — начале XI в. скандинавские элементы в Волго-Окском междуречье практически не прослеживаются, но единичные представители варягов могли входить в состав местной знати, как говорят об этом недавние находки в Суздале.

Большинство вещей скандинавского происхождения в это время поступали либо посредством торговли, либо с отдельными их владельцами, вошедшими в состав местных социальных групп. Имеющиеся данные не дают никаких свидетельств существования на Руси, и в частности на Северо-Востоке, в эпоху раннего средневековья особого, скандинавского по происхождению господствующего слоя.

«Варяжский вопрос» всегда так или иначе увязывался с главными водными путями Руси, в том числе и Волжским. Однако ни в коем случае нельзя сводить к этому вопросу анализ роли и значения в истории Древней Руси Великой Волжской пути — важнейшей внутренней и трансевропейской артерии.

В течение длительного времени Волжская система была основной дорогой расселения финно-угорских племен с востока — Прикамья и других районов — на запад, вплоть до Балтики.

Однако совершенно особую роль пришлось сыграть Волжской системе в истории Древней Руси. Совершенно справедливо, когда А. А. Спицын включает ее в число пяти магистральных путей Киевской Руси.⁵⁰ В литературе уже прочно утвердилось мнение, что Волжский путь широко использовался как традиционная торговая артерия ранее, нежели Днепровский.⁵¹ Безусловно, различные участки его в разное время играли и различную по активности роль. Мы не случайно используем понятие

⁵⁰ Спицын А. А. 1) Торговые пути Киевской Руси. СПб., 1911. С. 2, 16, 18; 2) Русская историческая география. Пг., 1917. С. 24—25.

⁵¹ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.; Л., 1954. С. 34; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 103—105; Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. 3. С. 127; Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X в. / Этнографические исторические дисциплины. 1976. Вып. 8. С. 95—110.

«Волжская система», ибо отнюдь не только по Волге проходил этот трансевропейский путь. Так, хорошо известно, что в IX—XI ст. отрезок Волги от Ярославля до места впадения в нее Оки не функционировал активно, и основное движение шло по Клязьме, Нерли, мелким речкам и Которосли.⁵²

Согласно М. И. Артамонову, вплоть до второй половины IX в. по Дону и Волге «мало кто плавал» и данный путь приобретает важное практическое значение лишь с этого времени.⁵³ Возможно, что на раннем этапе в IX в. путь с арабского востока на Русь шел не по нижней Волге, а по Дону,⁵⁴ откуда он расходился на Оку и по Десне на Днепр. Далее эти две главные артерии сходились на Волхове в Ладоге, которая была воротами Волжского и Днепровского путей на Балтику.⁵⁵

Безусловно, Волга была не только торговой артерией, а в IX—XII ст. она играла роль основной дороги славянского заселения и широкого освоения Северо-Востока. При этом река прочно связывала Древнюю Русь с Булгаром, Хазарией, а через них — со странами арабского халифата и в целом Востоком на юге; со Скандинавией и другими странами балтийского бассейна на севере. Необходимо также указывать, что в эпоху средневековья и более раннее время практически единственными путями сообщений здесь были водные, используемые почти в любое время года. Это определялось прежде всего обилием лесов и заболоченностью края. Водные системы были и торговыми, и военными путями. Значение их не надо абсолютизировать, но преуменьшать также не следует. Вот только два примера, подчерпнутые из летописи и связанные с Волгой.

Так, в 1024 г. во время неурожая и голода в Суздальской земле, благодаря прямой связи с Булгаром по Волге, удалось избежать повального мора. «Бе мятеж велик и голод по всей той стране, идоша по Волзе вси людье в болгары, и привезоша жито, и тако ожиша».⁵⁶

Скованные льдом Волга и прочие реки стали удобными дорогами для татаро-монгольских орд в XIII в., когда за один месяц — февраль в Ростовской и Суздальской землях ими было взято четырнадцать городов и множество слобод и погостов, «и поплениша все по Волзе».⁵⁷

В 1929 г. была опубликована сводная работа П. П. Смирнова, посвященная Волжскому пути.⁵⁸ С тех пор минуло почти шестьдесят лет. За эти годы неизмеримо возрос фонд источни-

⁵² Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976. С. 155. Табл. 52.

⁵³ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 299.

⁵⁴ Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 4. Рис. 1.

⁵⁵ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 44.

⁵⁶ ПВЛ. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 99—100.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. С. 518.

⁵⁸ Смирнов П. П. Волжский шлях і стародавній Русі. Київ, 1929.

ков, появились и качественно новые их категории и виды. Укоренились новая методология и методы исторических исследований. Явно назрела необходимость качественно нового обобщения имеющихся данных и точек зрения и создания монографического исследования о Волжском пути.

Особое значение имеет проблема возникновения и становления древнерусских раннефеодальных городских центров в целом и городов Залесской земли в частности. В последнее время этим вопросам уделяется большое внимание.⁵⁹ Итоги изучения древних городов Северо-Восточной Руси подведены нами в специальной работе.⁶⁰ Можно с уверенностью утверждать, что на данном этапе возможности их исследования практически исчерпаны и нужны новые широкомасштабные раскопки, иначе будут продолжаться бесплодные бесконечные дискуссии, как например это происходит с Ростовом Великим (Ярославским). Хорошо известно, что в науке представлены две точки зрения; согласно одной, летописный город Ростов — это Сарское городище, где есть материал IX в. и более ранний,⁶¹ а другая группа исследователей утверждает, что древнерусский Ростов возник там же, где он находится и сейчас.⁶² Однако вторая гипотеза пока достаточными данными не обеспечена. С другой стороны, на примере Углича мы видим, что новые раскопки могут дать совершенно неожиданные результаты. Долгое время в этом городе не было известно ранних слоев. И вот они найдены — есть достоверный материал X, а может быть даже IX в. Об этих работах мы упоминали выше. В Ростове успешно работает экспедиция под руководством А. Е. Леонтьева. По последним данным известно, что здесь обнаружен пока нерасчлененный слой X—XIII вв. и в числе находок — костяная подвеска X в.⁶³

В итоге следует отметить, что для дальнейшего изучения городов Северо-Восточной Руси необходимы новые раскопки и новейшие материалы. В перспективности такого пути сомнений нет.

⁵⁹ Седов В. В. Начало городов на Руси // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 6—8. См. также: Тезисы докладов секции «Происхождение и эволюция средневекового города» // Там же. С. 51—76.

⁶⁰ Дубов И. В. Города, величием сияющие. Л., 1985.

⁶¹ Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 94; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 181; Третьяков П. Н. К истории племени... С. 93.

⁶² Горюнова Е. И. Этническая история... С. 109, 201; Воронин Н. Н. Золчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., 1961. С. 22; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 1; Леонтьев А. Е. 1) Сарское городище в истории... С. 22; 2) Ростов: Предпосылки образования древнерусского города // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 61—62.

⁶³ Леонтьев А. Е. Волго-Окская экспедиция // АО 1983 года. М., 1985. С. 65—66.

Хорошо известно, что письменные и археологические источники существенно дополняют, а подчас и корректируют друг друга, и ведущую роль здесь играют последние. Поэтому важно попытаться соотнести огромный археологический материал с сообщениями русских летописей, записками арабских путешественников и другими источниками, ни в коем случае не подгоняя их друг под друга и не преувеличивая их значения. В своей работе о городах Северо-Востока мы шли именно по такому пути. Аналогичное исследование было проделано и по сообщениям летописи о восстаниях в Суздальской земле в XI в., когда археологические данные позволили многое прояснить в природе этих событий, раскрыть в целом историческую обстановку.⁶⁴

Археологические данные, полученные в последние годы, их обобщение и анализ позволили подтвердить и обосновать гипотезу историков о том, что Арса арабских источников это и есть Ростовская земля эпохи раннего средневековья.⁶⁵ Однако имеющиеся материалы не позволяют проводить таких прямых сравнений и детализации, как это делается в некоторых работах.⁶⁶

Путь комплексного изучения источников, их взаимопроверка, соотнесение друг с другом — это единственно правильный путь исторических исследований вообще и, конкретно, рассматриваемого региона в определенное время.

Возможности этой работы неисчерпаемы, перспективы и задачи ясны, необходима только лишь ее дальнейшая реализация.

⁶⁴ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь XI века и события 1024 и 1071 гг. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 28—38.

⁶⁵ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь и «Арса» арабских источников // Вестн. Ленингр. ун-та. 1981. № 8. С. 22—29.

⁶⁶ Мачинский Д. А. 1) О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 24; 2) Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 17—18.

И. Я. ФРОЯНОВ, А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XI — НАЧАЛА XIII в.

Проблема города-государства на Руси все более приобретает «права гражданства». В этом нельзя не видеть отражения общего хода исторической мысли, направленного на исследование города-государства как феномена всемирной истории.¹ В совет-

¹ См., напр.: Дьяков И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные государства», «полисы и империи»: Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3—16; Павленко Ю. В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих

ской историографии осуществлена попытка общей характеристики древнерусского города-государства.² Сделан шаг и в конкретном изучении процесса становления города-государства в Киевской, Смоленской, Полоцкой и Новгородской землях.³ Настоящая статья продолжает начатые изыскания, и посвящена истории города-государства в Северо-Восточной Руси XI — начала XIII в.

Междуречье Волги и Оки — сложный в этническом плане регион, заселенный восточными славянами относительно поздно. «Славянизация местных финнов здесь продолжалась в XI—XIII вв., а в отдельных местах затянулась до XIV столетия», — отмечает В. В. Седов.⁴ Первые же сообщения летописи рисуют нам картину зависимости этой территории от «Русской земли». Из Новгородской Первой летописи младшего извода, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей узнаем, что в Ростове Владимир посадил Ярослава, а после того, как Ярослав был переведен в Новгород, здесь стал княжить Борис.⁵ Появление киевских князей на Северо-Востоке нельзя расценивать как начало политической самостоятельности этой земли.⁶ Князья, подобно тому как это было в Новгороде и в других землях, выполняли роль посадников. Свидетельством того, что эта территория рассматривалась в качестве подвластной, может служить и ссылка в Ростов новгородского посадника Константина.⁷ Вполне можно согласиться с мыслью В. А. Кучкина о «ближайшем отношении Ярослава к Ростовской земле».⁸ Не случайно в 1024 г. он снова появился на далеком Северо-Востоке, на этот раз в Суздале. «Слышав же Ярослав волхвы, приде к Суздалью», — читаем в летописи.⁹ Ярослав прибыл отнюдь не для под-

Энгельс и проблемы истории древних обществ / Под ред. В. Ф. Генинга. Киев, 1984. С. 169—217; Данилов В. П., Данилова Л. В. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: Проблемы типологии / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1978; Становление классов и государства / Под ред. А. И. Першица. М., 1976; Гуляев В. И. Города-государства майя: Структура и функции города в раннеклассовом обществе. М., 1979; Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е. С. Голубцовой. Т. 1, 2. М., 1983; Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М., 1983; Кочакова Н. Б. 1) Города-государства йорубов. М., 1968; 2) Рождение африканской цивилизации: Ифе. Ойо. Бенин. Дагомея. М., 1986.

² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 216—243.

³ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство / Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986. С. 198—311.

⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 192.

⁵ НПЛ. С. 159; ПСРЛ. Т. I. Стб. 121; Т. II. Стб. 105.

⁶ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 59.

⁷ ПСРЛ. Л., 1925. Т. V. Вып. 1. С. 123.

⁸ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 58.

⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 100.